

АЛЬТЕРНАТИВНО-РИЗОМНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Метапаттерн ризомы занимает особое место в ряду метапаттернов истории. Он появился как прямая противоположность, альтернатива всем известным мировоззренческо-методологическим "призмам" исторического познания, как протест против всяких паттернов, а тем более с приставкой "мета". Но, как это часто бывает, низвержение прежних подходов само обернулось утверждением нового подхода. В протесте против всех метапаттерновых подходов постепенно вызрел новый — ризомный метапаттерн истории.

Постмодернизм: Некоторые авторы даже называют точную дату его рождения — 1968 г., время студенческих волнений в Париже. Впрочем на этот счет есть и другие мнения. Так, А.Тойнби полагает, что постмодернизм, представляющий новый исторический цикл западной цивилизации, ведет свой отсчет с 1875г.

В данной связи интересную хронологию предлагают Х.Агнес и Ф.Ференц. В истории послевоенной Европы они различают три поколения: экзистенциалистское с зенитом в начале 50-х годов, "отчужденческое", или поколение отчуждения, пик которого пришелся на 1968 г., и постмодернистское (80-е годы — пик еще впереди) [45, с. 136].

Сам по себе постмодернизм — явление неопределенное, размытое, с неясными мировоззренческо-методологическими установками, с плохо просматриваемыми сюжетными линиями и другими подобными характеристиками. Его нередко отождествляют с авангардизмом, даже неоавангардизмом, что вызывает возражение тех, кто называет эти же феномены модернизмом. Одни видят в постмодернизме современные высокие технологии, а другие — прямо противоположное — конец всякого технологизма и его идеологического — выражения технократизма, наступление эпохи экологов, "зеленых", альтернативников, натуропатов.

Скорее всего, постмодернизм — это какое-то настроение, состояние ума, в первую очередь творческой интеллигенции, интеллектуальной элиты, а затем уже и широкой культурной общественности. Ю.Хабермас назвал его эмоциональным течением, проникшим во все поры современной интеллектуальной жизни. Упомянувшиеся уже Х.Агнес и Ф.Ференц выражают суть постмодернизма как общего культурного движения одной фразой: "Все пойдет". То есть можно протестовать против всего и вся или, напротив, со всем соглашаться, можно чувствовать себя непринужденно в любом обществе или, наоборот, страдать от одиночества, некоммуникабельности, общей неуютности бытия. На наш взгляд, вполне постмодернистскими являются также слова одного литературного героя "Ничто не слишком!". У.Д.Баннард называет постмодернизм бесцельным, аморфным, всеядным, горизонталь-

но структурированным, патологически популярным явлением современной культурной жизни*.

Определений постмодернизма предложено много, и они — разные. Но явно или неявно их объединяет одна мысль: постмодернизм — это резко негативное отношение к модернизму, т.е. новоевропейской рациональности, стилю, дискурсу, культуре, восходящим к эпохе Просвещения. Поэтому постмодернизм называют еще постпросвещением. Разумеется, как всегда, есть и другие точки зрения. Некоторые авторы представляют постмодернизм в качестве последней стадии модернизма или, по примеру Ф.Джеймсона, как "логику культуры позднего капитализма".

Основные черты модернизма Принимая во внимание сказанное, рассмотрим отличительные особенности модернизма — исторической предтечи постмодернизма. В качестве общекультурной доктрины просвещения модернизм привычно ассоциируется в нашем сознании с XVII в., и это понятно. Европейский XVIII в. — эпоха Просвещения. Расцвет Просвещения был одновременно и расцветом модернизма, его принципов, ценностей, норм, идеалов. Однако ни одно историческое явление не исчерпывается расцветом. Модернизм выходит — и далеко — за рамки XVIII в. Он значимо присутствует как в предшествующем, так и последующем культурно-историческом развитии вплоть до наших дней, конца XX в.

У модернизма мощная корневая система, по крайней мере в европейской культурной традиции. Его истоки лежат в античности, греко-римском мире. Исторически древнегреческая культура выработала понятие человеческого разума — центральное для модернизма. С помощью разума и наблюдения (созерцания) древние эллины искали и по-своему находили общую, вневещную гармонию — сущность во всем существующем. Наиболее яркое тому подтверждение — древнегреческая атомистика, которая была одной из первых (если не первой) попыткой объяснить — умозрительно, рационально — переход от Хаоса к Космосу, притом всеохватным образом: в большом и в малом, в едином и во многом, в материальном и в духовном.

Древняя Греция дала модернизму еще два ключевых для него понятия: "гуманизм" и "демократия". С первым изначально связывались утверждение ценности и достоинства человека, реализация его познавательных (истина), этических (добро) и эстетических (красота) способностей, со вторым — полагание демосных ("демос" — народ) оснований политической власти, становление социально-политической идентичности индивида.

Несомненно, важнейший фактор последующего исторического вызревания модернизма — древнеримское право с его формальным равенством, кодифицированностью и универсальной (на всех территориях, ко всем гражданам и не-гражданам) применимостью. К числу факторов или условий этого вызревания следует отнести также имперский мессианиззм Древнего Рима — идеологию, оправдывав-

---

* Более полную семантическую картину постмодернизма см.: [7, с.109 — 136].

шую необходимость распространения и даже насаждения среди "варваров" того, что считалось цивилизованным, передовым, современным в метрополии, центре империи. Древнеримский мессианизм не ограничивался только идеологией. Были у него и другие, более привлекающие стороны и направления, включая строительство городов-крепостей и дорог в провинциях империи.

Исторические корни модернизма — также в Ренессансе, протестантской Реформации и научной революции XVI — начала XVII в. Ренессанс — это мощное, действительно эпохальное гуманистически-культурное движение, отличавшееся светлым, жизнерадостным, исполненным лучших ожиданий и надежд мироощущением. Кажется, именно тогда человек окончательно поверил в себя, в свои мироустроительные силы, в то, что нет и не может быть непреодолимых преград на пути его исторического восхождения к свободе, счастью, справедливости.

По-особому готовила модернизм протестанская Реформация. Обмирщение священного, приближение "неба" к "земле", насыщение веры рациональными доводами, аргументами "от разума", право на индивидуальное толкование Библии, личная коммуникация с Богом и пр. — все это так или иначе возвышало человека, укрепляло претензии его разума на руководство жизнью.

Научная революция XVI — начала XVII в. была переходом от схоластической к опытно-аналитической, экспериментальной науке, переходом, окончательно определившим авторитет рационального, т.е. объективного, но открываемого человеческим разумом, закона, верховенство науки, научной истины, знания как такового. Механистичность мировоззренческо-методологических идей этой науки не отталкивала, напротив, привлекала, притягивала к себе людей. Видимо, своей простотой, доступностью, известной обзорностью как истин, так и их доказательств.

Рассмотрев вкратце истоки и предпосылки модернизма, факторы его исторического становления, обратимся к анализу его зрелых черт — свойств и отношений особого, просвещенческого (новоевропейского) типа рациональности*. Лежащий в его основе разум всегда претендовал на прозрачность, естественность ("естественный свет"), простоту и, добавим, так или иначе являлся таковым. Он намеренно дистанцировался, отстранялся, уходил от "вторжений" со стороны бессознательного, от всевозможных аффектов, искажающего преломления социальных и иных факторов. Все подобные явления рассматривались им не иначе, как досадное и в общем-то искусственное искажение, затемнение его естественной, первородной чистоты. Как не вспомнить знаменитые бэконовские идола! Для такого разума традиционной, никогда не снимаемой проблемой было его очищение от аффектов, страстей, эмоций, которые, как полагали, затрудняют доступ к истине, до неузнаваемости размывают ее лучезарный облик.

Теоретико-познавательным следствием названной прозрачности было резкое и однозначное противопоставление субъекта объекту,

---

* Под рациональностью вслед за А.И.Ракитовым будем понимать самодостаточную систему правил, критериев и эталонов, являющихся общезначимыми и имеющих одинаковый смысл для всех членов общества (профессиональной или этнической группы) [27, с.57].

духовного материальному. Убедительным концептуальным обобщением этого противопоставления был картезианский дуализм. Правда, абсолютное противопоставление объекта и субъекта несколько смягчалось тем, что онтологически автономный объект все же познавательно открывался столь же автономному в своем бытии субъекту. Открывался по все той же схеме, по мере очищения его от "темноты", "аффектов" и "страстей" в виде той или иной превращенности, случайности, инородности, короче, от всего того, что рассматривалось как отклонение от природы (фюсиса, по античной терминологии, "внутренней формы") объекта. Таким образом, в естественном свете разума открывалась естественность объекта. Перед нами нечто вроде всепроникающей, универсальной естественности, лишь слегка сдобренной субъект-объектным противоречием для ее же собственного развития. А если вспомнить, что фюсис объекта нередко понимался как концептуально схваченная сущность, как гипостазированное понятие, то в конечном счете все сводилось к разуму или, что то же самое, выводилось из него. В результате разуму оказывался не только ключом к открытию реальности, или естественности, но и ее источником.

Просвещенческий тип рациональности был в своей основе разумом унифицирующим (во всяком случае по методологической установке). Он не признавал общественно-идеологическую ангажированность и индивидуально-психологическую дискретность своих непосредственных носителей. В его естественном свете все эти дифференциации просто-напросто блекли, растворялись, исчезали без видимых следов, заметного остатка.

На первый взгляд, однако, кажется, что это не так, что индивидуальные различия вовсе не игнорировались разумом Просвещения. Ведь его определяющим методологическим принципом был анализ, т.е. разложение исходного материала до единиц, далее не делимых, фиксируемо устойчивых. При этом природа материала не имела значения. Так, базовыми единицами общества выступали индивиды, их устойчивость чаще всего, как, например, у А.Смита, очерчивалась эгоистическим интересом, себялюбием. Но все дело в том, что разум Просвещения не признавал за этими единицами сущностной самостоятельности, субстанциальности, он неизбежно подводил их под какие-то принципы или идеи, нивелирующие всякую индивидуальность. Истинная реальность, или субстанциальность, виделась лишь на стороне последних. В самих же индивидуальных единицах, отдельных элементах она исчерпывалась их схожестью, безликой одинаковостью, предрасположенностью к интеграции, а значит, и унификации (в пределах соответствующих предметных областей).

Применительно к обществу названная субстанциальность чаще всего выступала в виде социального контракта ("общественного договора"), опирающегося в свою очередь на естественные потребности, неотчуждаемые права и свободы человека, считавшиеся самоочевидными для любого непредубежденного ума. Иногда, как у Смита, субстанциальное единство принимало форму "невидимой руки рынка", все улаживающей, разрешающей и направляющей.

Унификалистские устремления новоевропейской рациональности принимали на стороне субъекта форму твердой убежденности, а фактически веры в то, что есть, существует в мире некое общее, все и вся

объединяющее начало. Стоит только проникнуть в механизм, подобрать ключ к исходящей от него детерминации, и все объекты станут легко и полностью обозримыми. Вся качественная мозаика сущего сводилась к одному-единственному инвариантному началу (к материи или духу, если называть только крайности), который органично, как казалось, увязывает друг с другом методологические и предметно-сюжетные параметры познавательной деятельности человека. Концептуальным выражением рассматриваемой убежденности или веры был монизм. Просвещенческий разум был радикально и невозмутимо монистическим.

Самой распространенной формой проявления всеобщего начала мира, его интегративного поля считался закон. Отсюда следует еще одна характеристика разума, определяющего просвещенческую рациональность, — его законосообразность. Разум был внутренне сориентирован на объективные универсальные законы, управляющие миром, всеми его процессами и системами, причем не только, отметим, самим по себе миром, но и деятельностью по его познавательному освоению. В этом отношении новоевропейская рациональность методико-нормативна. Главная ее методическая норма — эмпирическая подтверждаемость, или верифицируемость.

Методическая нормативность разума, подкрепляемая "врожденными идеями", априорными понятиями, другими самоочевидностями, а также "высокой степенью согласия" среди людей науки, как правило, выходила за собственные познавательные рамки в онтологические структуры мира, превращая законосообразность в законодательность.

Эссенциализм ("эссенция" — сущность) — еще одна примечательная черта просвещенческого разума. Он был просто одержим страстью к "копанию". Его исследовательский бур не знал усталости, он постоянно углублялся во все новые и новые пласты реальности, выдавая на-гора все более глубокие и истинные сущности, — этакая эссенциалистская матрешка. Глубина приравнивалась к подлинности, аутентичности, даже какому-то совершенству. Тем самым объяснимые и иные возможности феноменологического разнообразия мира принижались, недооценивались, а порой и сознательно игнорировались. У бесконечного погружения в глубину было, пожалуй, всего одно ограничение — трансценденция, т.е. нечто такое, что всегда оставалось за пределами разума, его познания, что не поддавалось переводу (во всяком случае полному) в познавательные образцы, в знание. В гносеологической области такой трансценденцией был объект (его "невычерпаемость"), в моральной — Бог и т.д.

Если быть точным, разум Просвещения не чуждался и экстенсивности, т.е. все более широкого или объемного захвата постигаемой реальности, он рос, так сказать, не только вглубь, но и вширь, не только "в ствол, но и в куст". И все же познавательная широта для такого разума была чем-то второстепенным, побочным. В конечном счете она тоже работала на познавательно-кумулятивный эффект — решительный штурм все более глубоких сущностных порядков мира (природы, общества, человека). При этом углубление могло быть и нисходящим ("вниз") и восходящим ("вверх"). Логика освоения дольного была той же, что и горного. Неудержимый порыв к сущно-

сти, вера в ее объективное существование в любом случае — это оставалось неизблемым, краеугольным.

Через очевидную содержательную взаимосвязь (пересечение) уже рассмотренных нами характеристик с определенностью проступает еще одна особенность новоевропейской рациональности — ее тотальность. Как представлялось, она отражала некое всеобъемлющее единство, доминирование целого над частями, центра — над периферией и т.п. В качестве мировоззренческо-методологической установки тотальность требовала рассматривать часть всегда только в рамках целого, факт — в соответствующем, но по возможности самом широком контексте, вообще все явления — в их взаимной, нерасторжимой связи друг с другом.

Наконец, новоевропейская рациональность была буквально пронизана верой в прогресс, убеждением в том, что если мы даже и не живем в лучшем из миров, то во всяком случае все в нашем мире развивается к лучшему. История медленно, но неуклонно продвигается ко все более и более совершенному, справедливому и достойному человека состоянию, к вершинам добра, истины и красоты. Правда, встречаются на этом пути и отступления, движения вспять, смутные времена, но в целом стратегически прогрессивная поступь человечества различима достаточно четко, она неодолима. Прогресс общества не только желателен, возможен, но и неизбежен. Для просвещенческого разума прогресс имел силу универсального закона социального развития, общественной жизни. У этого закона не было особых ограничений в живой и даже неживой природе.

После обзора основных черт модернизма перейдем к характеристике постмодернизма. Как уже отмечалось, он есть реакция, притом реакция негативная, критическая, на модернизм и просвещенческий разум, составляющий его ядро.

**Постмодернистская
критика
модернизма**

Сторонники постмодернизма считают, что новоевропейская рациональность оказалась в итоге совершенно несостоятельной, что все ее притязания: и на открытие законов, и на универсальность, и на прогресс, но главное — на руководство человеческой жизнью, ее обустройством — так и остались на уровне притязаний, пустых заявок, несбывшихся надежд. Вернее, их реализация на поверку оказалась радикально двусмысленной, зловеще двуликой. Утверждение обернулось отрицанием, отрицание — утверждением.

Да, благодаря разуму наша жизнь стала более комфортной и приятной, но одновременно и более ненадежной, опасно хрупкой, духовно выхоленной. Да, наши жилища являют собой образец функциональной целесообразности, но та же функциональная целесообразность была заложена в крематориях Освенцима и Бухенвальда. Да, мы проникли в глубины вещества, постигаем субатомный мир, но в то же время, пройдя через кошмары Хиросимы и Нагасаки, через трагедию Чернобыля, наше бытие стало еще более негарантированным, зыбким и случайным. Оказывается, чудовища рождает не только сон разума, но и его бодрствование. Разум сделал более совершенной и благородной нашу жизнь, однако он

же и стал источником, если не причиной, многих бед, страданий и болезней XX в.

Постмодернизм устанавливает прямую связь между тотальностью как сущностной чертой рациональности и тоталитаризмом или авторитаристскими тенденциями в обществах XX в., между калькулирующей и систематизирующей определенностью разума и функциональным прагматизмом человеческого общения, между вторжением науки во все сферы человеческой жизни и ростом населения в мире и т.д. Знаменитое "Знание — сила!" нынче выродилось в знание одной силы: как ее накапливать, умело применять, как ее внедрять в сознание человека. Аналитизм, логоцентризм подтачивают творческие силы человека, иссушают его душу, убивают воображение. Впору говорить о диктатуре Разума.

Завершим наше изложение этой эмоциональной, чисто публицистической версии постмодернизма. Ее содержание, характер, общая направленность достаточно ясны. Конечно, знать о ней нужно. Она широко распространена и отвечает духу постмодернизма — все стили и версии для него равноценны. Рассмотрим концептуальные основания, методологические принципы постмодернизма.

Общая характеристика постмодернизма	Жан-Франсуа Лиотар (род. 1924), один из самых известных специалистов по философским основаниям постмодернизма, определяет его как "недоверие к метанарративам" [51, с.XXIV]. Следуя Лиотару, а также обобщая соответствующие высказывания других постмодернистов, можно утверждать, что мета- (большие) нарративы — это базовые повествовательные идеи, предельно широкие объяснительные схемы, легитимирующие, т.е. обосновывающие и оправдывающие, единство, или устойчивую целостность, исследования, практического действия, вообще реальности. Например, невозмутимо положительное и нормозадающее единство современной науки подкреплялось и подкрепляется двумя метанарративами: метанарративом освободительной гуманистической миссии науки, начиная со средних веков, и метанарративом, представляющим науку в качестве вершины длительной эволюции жизни и сознания на Земле.
--	---

Нельзя не согласиться в данной связи с мнением В.Вельша о том, что "постмодерн (постмодернизм — П.Г.) начинается там, где кончается целое" [7, с. 129]. Тотализирующий, властный заряд целого, или единого, считают постмодернисты, несут в себе все метанарративы, а их, оказывается, немало. К уже названным следует добавить диалектику духа, эмансипацию рационального, шире — человека и человечества, секуляризацию, субъект, закат Запада и т.д. Перечень можно продолжать.

На место целого, единства, универсального знания и других отягощенных монизмом вещей постмодернизм ставит части, различия, дифференциации, индивидуации и прочие сингулярности, осмысляемые в терминах радикального или форсированного плюрализма. Такая инверсия резко, до неузнаваемости все изменяет. Вещь уже не вещь в привычном ее понимании, а, как пишет Ж.Делез, "множество не сводимых друг к другу линий или изменений" [48, с.VIII]. Инди-

виды и социальные группы тоже состоят из линий, причем очень разных по своей природе. Линия в постмодернизме тоже необычна: во-первых, она прямо противоположна точке, всегда и активно противопоставляется ей, во-вторых, начало и конец в ней несущественны, главное — то, что между ними, "в просвете". "Линия, — пишет Делез, — не идет от одной точки к другой, она проходит между точками, непрерывно раздваиваясь и отклоняясь" [там же]. (Вообще термин "между" и родственные ему термины: "в середине", "в промежутке", "в разрыве", "в просвете" — очень характерны для постмодернизма.) Каждая линия в свою очередь процессуальна, представляет собой становление. Соответственно любая вещь состоит из становлений, собранных в узел. Постмодернисты «перескакивают» с одного уровня или параметра развития на другой, их любимый образ также — ломаная линия, зигзаг.

В постмодернизме под вопрос ставятся все бинарные оппозиции: классовые, половозрастные (мужчина — женщина, дети — взрослые), расовые (черные — белые), а также и такие, как общественный — частный, субъект — объект, образный — понятийный, процессуальный — непроцессуальный и т.д. Никаких противоположностей — только разнообразие, в котором тонет все. Вообще постмодернистское разнообразие довольно специфично. Поскольку все его составляющие равноценны, одинаково важны и легитимны, то все оказывается на редкость, до скучного однообразным — по типу, способу бытия, принципу самоорганизации. Можно сказать, гомогенная гетерогенность.

Такая же ситуация сплошного или однородного разнообразия характерна и для сферы познания. Согласно постмодернизму, все знание вырастает из ограниченных, относительных позиций или перспектив познающих субъектов. Ни одна из них не может быть привилегированной, т.е. более истинной, чем другие, а значит, нет и не может быть места для универсальных познавательных систем. Те же, кто претендует на них, наделяют свои точки зрения явно инородной, уже не познавательной силой, например, силой власти, силой давящего авторитета, но не истины, а вернее, поиска и жажды ее. Разнообразие жизни постигается только разнообразием (позиций, углов зрения, субъектов) познания.

Отсюда понятна и особая приверженность постмодернизма к "поверхности и поверхностному во всех значениях этих слов" [51, с. XVIII]. Конечно, поверхность не была чужда и модернизму, но в модернизме она служила проявлению и приближению сущности, глубины, внутреннего, скрытого начала. Здесь же поверхностному, в том числе обыденному, повседневному, непрофессиональному и т.п., придается самостоятельное значение, равноправное с глубинным, донным. Поверхность — не поле явлений или проявлений, как в модернизме; в постмодернизме она являет и представляет только самое себя.

Равноправие познавательных перспектив раскрепощает и дает слово тем, кто раньше вынужденно молчал, сознавая свою неспособность освоить профессиональный язык разума — единственный, на котором было принято говорить. Разум, его высокие и жесткие стандарты буквально подавляли. Подавленное или поработанное разумом знание большинства, в том числе маргинальных слоев общества, заявляет в постмодернизме о своих правах вплоть до артикулирован-

ного М.Фуко права на восстание. Естественно, на восстание против разума, его организующей и систематизирующей способности, силовой и репрессивной в своей основе.

Примечателен также познавательный "междуизм" постмодернизма. Если, скажем, вы имеете дело с идеей, то вам вовсе не обязательно определять, корректна она или нет. Нужно искать принципиально иную идею в какой-нибудь другой области. Ведь в постмодернизме значимо только то, что находится, проходит между этими двумя идеями и не принадлежит ни одной из них [48, с. 10]. А если вы столкнулись точно с истиной, то вот вам совет автора постмодернистского романа "Имя розы" Умберто Эко: научите ее, эту истину, смеяться, поскольку "единственная твердая истина — что надо освобождаться от нездоровой страсти к истине" [42, с.86].

Постмодернистская — и теоретическая, и практическая — инверсия вносит много нового в общественную жизнь людей. Она все больше и больше фрагментируется, партикулируется, индивидуализируется. На первый план выходит микроуровень. Везде и во всем проступают центробежные тенденции. Власть становится все более гетероморфной. Социально-политические изменения принимают форму "микросражений", в которых участвуют небольшие группы людей и решаются ограниченные, локальные проблемы. В этом плане очень выразительно название одной из работ Ф.Г.Гваттари: "Молекулярная революция: психиатрия и политика". В этой работе, в частности, утверждается, что политический анализ, который в принципе неотделим от политики анализа, не должен мириться с традиционной дихотомией больших общественных дел и маленьких, личных проблем, с которыми сталкиваются люди как индивиды в своих семьях, в школе, на работе и т.д. [49, с.219].

В постмодернизме игра выступает в качестве мировоззренческо-методологического принципа. Всё — игра или во всяком случае может быть представлено игрой. Даже технология является разновидностью игры, но выигрывают в ней не истину, не справедливость, не красоту, а эффективность. Базовая, матричная форма игры — игра языковая. Социальность как таковая представляет собой "выразительные переплетения языковых игр" [51, с.17]. Игра — одно из самых эффективных средств войны, которую постмодернизм объявил тотальности, диктатуре разума и другим монстрам модернизма. Одновременно она повышает чувствительность человека к различиям и укрепляет его способность терпимо относиться к несоизмеримому, несопоставимому в теории и на практике. Игра размывает абсолютные моральные ценности и высокие нравственные идеалы: теперь можно просто плыть по течению жизни, играть и изобретать.

На место производства как организующего принципа общественной жизни постмодернизм ставит симуляцию. Симуляция — это ситуация, когда символы обретают вдруг независимое существование, становясь более реальными, чем то, что они символизируют, когда образы (прежде всего рекламы) теряют критическую дистанцию по отношению к объектам (товарам, услугам), по существу сливаясь с ними, подменяя их. Конкретным проявлениям или выражениям данной ситуации нет числа. Актер, человек сцены, нынче более реален, чем простой человек, человек жизни, которого он играет. Имидж

политиков создают специальные мастера. Радио- и теленовости превращаются в массовые информационные зрелища, массовые информационные развлечения (хотя речь в них может идти о войне, грабежах, насилиях). А в современной телерекламе информации о предлагаемых товарах и услугах зачастую меньше, чем обещания счастья и процветания в жизни. На последние современная массовая аудитория обычно и откликается. А ведь их реальность чисто рекламная, значит, воображаемая, иллюзорная, но все это остается за кадром для привыкшего обманываться зрителя, реклама же утверждает, что счастье так близко и так возможно.

Как уже отмечалось, в модернизме приоритет отдается разуму и проповедуется презрение к эмоциям, аффектам, страстям и, естественно, желаниям, особенно эротическим. Все это причисляется модернизмом к теневой, чуть ли не животной стороне человеческой жизни.

Для постмодернизма же в лице Делеза и Гваттари желания не суть слепая и разрушительная сила истории, которую нужно подавлять или как-то канализировать. Напротив, желания — неисчерпаемый резервуар творческой энергии человека. "Наука, инновации, творчество, — отмечает, в частности, Гваттари, — все это происходит из желания, а не псевдорационализма технократов" [49, с.86]. Энергия человеческих желаний в конечном счете инстинктивно-бессознательная, сексуальная и как таковая непомерно стеснена и ограничена Я (сознанием человека) и сверх-Я (социально-нормативным началом в психике человека). Освободить эту энергию, раскрепостить желания человека можно, только деконструировав Я- и сверх-Я-формирования, чем и призван заниматься шизоанализ. Шизоаналитические исследования показывают, как становятся шизофрениками люди, отказавшиеся привести свои желания в соответствие с общественными требованиями и стандартами. Учитывая характер этих требований и стандартов, следует добавить: шизоанализ помогает понять механизм работы, тайные пружины репрессивного аппарата общества. По убеждению Делеза и Гваттари, современное общество производит шизофреников точно так же, как шампунь или машины, с единственной разницей — на шизофреников нет рыночного спроса, т.е. товар этот не ходкий [52, с.665]. Конечная цель шизоаналитического проекта — освободить и так организовать человеческие желания, чтобы на их преобразенной основе могли спокойно осуществляться социально-политические преобразования, возникать и развиваться новые формы жизни. В частности, Гваттари рассматривает шизоанализ как "политическую борьбу на всех фронтах производства желаний".

"Трибунал рации", ненавистную репрессивно-тотализирующую тенденцию постмодернизма усматривает в субъекте. Судьба его поэтому предрешена. Как "логоцентристская ошибка", он растворяется, исчезает без остатка во множестве фрагментов и микроагентов истории. Постмодернизм отстаивает индивидуацию без субъекта.

Истории (не фрагментов истории), оказывается, тоже нет, и не только как чего-то интегрального, единого, унифицированного, непрерывного. История вообще уступает место становлению, причем самодостаточному, не требующему обращения к чему-то другому,

кроме самого себя. В такой истории прошлое и будущее не много значат, главное в ней — становление настоящего. Прошлое — это всегда прошлое настоящего, как и будущее, — оно тоже будущее настоящего. История теряет свою непрерывность, свои временные горизонты, превращаясь в вечное мгновение настоящего. Реально все происходит только в настоящем, по отношению к настоящему.

Но вернемся к теме становления настоящего. Понять становление без истории и вне ее очень трудно. В нем изменяется (заметим, не параллельно, не синхронно) не только то, чем (кем) нечто (некто) становится, но и само это нечто (некто). Философия (пример Делеза) как становление не имеет ничего общего с историей философии. Она входит в жизнь через тех, кого история философии не в состоянии классифицировать. Это можно назвать отстранением от истории философии, ее традиций и норм, прорывом к действительно новому, к доселе никому не ведомой реальности. Рассматривая женщину как становление, Делез утверждает, что это не то же самое, что женщины, их прошлое и будущее. Женщины, вступающие в свое становление, на самом деле выходят из своего прошлого, своего будущего, из своей истории. Еще один пример, приведенный Делезом: опыление орхидеи осой. На первый взгляд кажется, что все дело в орхидее, что именно она определяет поведение осы. Но в действительности имеет место осо-становление орхидеи и орхидее-становление осы, то есть двойной процесс, поскольку то, "чем" каждое становится, меняется не меньше того, "что" в каждом становится. Оса становится частью репродуктивного аппарата орхидеи, в то время как орхидея становится половым органом осы. Одно и то же становление, единый блок становления. Интересны также становления (да, именно во множественном числе) человека животным, скажем, пауком, как у Кафки.

У историка, по Фуко, теперь одна перспектива — статья археологом прошлого, выкапывающим его останки и собирающим их в музее современного знания [52, с.666]. Постмодернизм редуцирует историю к одной темпоральности, простому (любому) нагромождению событий во времени. Постистория — доминанта постмодернистской темпоральности. Это не конец — это снятие истории в целом, безусловно оптимистическое. Но есть в нем и горечь после-бытия: исчезло широкомасштабное, невольно вдохновлявшее всех историческое творчество; отцвели надежды на лучезарное будущее. Остается повторять один и тот же опыт, одни и те же мысли и чувства. Постисторическое бытие стимулирует интерес ко всем историям, к их такой разной мудрости, неповторимым преобразовательным усилиям. Постистория оказывается аппликацией истории.

**Ризома как
метапаттерн
истории**

Теперь, когда мы достаточно знакомы с основными положениями постмодернизма, попытаемся в полной мере оценить его ризомный метапаттерн. Очевидно, наше изложение наводит на мысль, что это — завершение, обобщение, вывод, то, к чему приходят, а не то, из чего исходят, благодаря чему вообще ходят. Но такое изложение — это не более чем методический прием, чисто дидактическая инверсия, использованная для облегчения восприятия столь непростой идеи. На самом деле ме-

тапаттерн ризомы — "предельное основание", исходная перспектива, базовая интуиция постмодернизма.

Прояснением ризомного метапаттерна постмодернизма мы обязаны Делезу и Гваттари. Сам термин "ризом" заимствован из ботаники и обозначает способ жизнедеятельности многолетних травянистых растений типа ириса; в узком смысле ризомы — это подземный горизонтально расположенный корешок таких растений, пускающий корни снизу и дающий покрытые листьями побеги сверху. В отличие от обычных корней в точках переплетения ризом вырастают чешуйчатые листья. Ризому тяжело искоренять, поскольку каждый ее отрезок при благоприятных условиях может давать (и дает) жизнь новому растению.

Постмодернизм в лице Делеза и Гваттари постоянно противопоставляет ризому и дерево как два совершенно разных способа мышления. Что же не устраивает постмодернизм в "дереве"? Практически все: то, что дерево — это дерево, его древесность, а более конкретно, то, что оно представляет собой единство в виде корней, ствола и ветвей, что у него есть верх и низ, прошлое и будущее, единая, целостная история, вообще эволюция, развитие. Дерево непрерывно дихотомически ветвится, это — бинарная система. У дерева есть семя, или центр, из которого оно вырастает в соответствии со своей генетической информацией и логикой структурной реорганизации. Дерево — это местонахождение, система точек и позиций, жестко фиксирующих его содержание; это иерархическая система передачи свойств с центральной инстанцией и рекапитулирующей (воспроизводящей основные этапы развития предковых форм) памятью. Дерево имеет своеобразную ось вращения (стержень), организующую все питательные вещества в кольца, а кольца — вокруг центра. Наконец, дерево можно разрезать на куски, причем жизнеспособные (черенки), если соблюдать при этом необходимые требования [48, с.25]. Дерево — символ власти, пронизывающей всю ткань общественной жизни людей. "Власть всегда древовидна" [там же]. Заметим, что все научные школы тоже организованы по типу дерева.

Ризомы — это множество беспорядочно переплетенных отростков или побегов, растущих во всех направлениях. Она, следовательно, не имеет единого корня, связующего центра. Это не-параллельная эволюция совершенно разнородных образований, происходящая не за счет дифференциации, членения, разветвления, а благодаря удивительной способности перепрыгивать с одной линии развития на другую, исходить и черпать силы из разности потенциалов. Как трава, пробивающаяся между камнями мостовой, ризомы всегда чем-то окружены и тем стеснены, растут из середины, через середину, в середине.

Ризомы в постмодернизме уподобляются сорняку, который стелется, переваливая через препятствия (борозды, канавы, ямы и т.д.) именно из-за того, что его теснят, ограничивают, обступают культурные растения. И чем сильнее это давление, тем шире радиус действия стелющегося сорняка, тем дальше он выбрасывает свои щупальца-отростки, тем большее пространство периферийной земли становится его жизненным пространством. Таким образом, получается, что "начало" или "центр" — факторы, сдерживающие, ограничивающие рост (растения-сорняки), ослабляющее его нити-становления. Не

будь периферии, ее жизненных соков, рост прекратился бы и в материнском лоне начала (центра, фокуса).

Место ризомы там, где трещины, разломы, пустоты, бреши и другие провалы человеческого бытия. Она их по-своему преодолевает. Для нее нет непересекаемых границ, какими бы — естественными или искусственными — они ни были. Ризома учит нас двигаться по "пересеченной местности" нашего бытия. Она помогает нам умножать стороны, грани исследуемой реальности, превращает круг в многоугольник [48, с. 18]. Это очень глубокая, радикальная переориентация, особенно если вспомнить Аристотеля, для которого круг был символом совершенства. А здесь многоугольники. Большого разрыва с традицией, кажется, и придумать нельзя. Мыслить ризомно — "значит мыслить в вещах, среди, между вещей" [48, с.26], в ориентации на линию в указанном выше ее понимании, а не на точку, с прицелом на множество сплетений и переплетений, но не на единый центр и т.д.

Такова в общих чертах ризома как метапаттерн истории, таков в целом ризомный взгляд на человеческую жизнь, социальную реальность. История, как видим, достаточно живуча, хотя и ломается, где-то рвется, пускает корни в самых, казалось бы, неподходящих местах, течет несколькими, не связанными друг с другом рукавами, полицентрична, вся в микроскопических прожилках-становлениях, без определенного объекта, с массой индивидуальных агентов и т.д.

Одним состоянием ума, с чего мы начали характеристику постмодернизма, все это не объяснить, хотя без этого понятия здесь тоже ничего не понять. Как показывает анализ, состояние ума определяется существенными изменениями в самой социальной действительности, в стиле, способах и формах жизнедеятельности современного человека. То есть постмодернизм — не только факт духовно-теоретический, но и явление, феномен практики человека. Но, разумеется, не везде, а только в развитых обществах. Они действительно вступили в постмодернистскую (если говорить более привычным для многих языком — постиндустриальную) эпоху. В другие же общества и страны постмодернизм в основном "поступает по импорту".

Постмодернистский прорыв Запада эволюционно вполне закономерен в силу определенного исчерпания, а значит, диалектического снятия модернизма, его ценностей, норм и идеалов, его просветительской парадигмы. Другим регионам мира до этого еще далеко — прежде им нужно освоить исторический потенциал модернизма. Правда, мы живем в едином взаимозависимом мире.

Надо сказать, состояние дел, положение вещей вне западного культурного ареала может быть даже более постмодернистским (в худшем смысле этого слова), чем на Западе — родине постмодернизма. Неполнота и несистемность в приобщении к историческим ценностям модернизма, недостатки в освоении других, традиционных культурных парадигм нередко накладываются на худшие черты и стороны современной постмодернистской волны. В результате получается жуткая, но в целом постмодернистская смесь, скажем, в виде катастрофки, лыкового плюрализма, этнократии, тоталитарного рынка, безнравственной морали и тому подобных вещей.

Конечно, и Запад сейчас только у начала постмодернистской трансформации, и для него постмодернизм во многом перспективен как тенденция, знак, симптом. На этом уровне он обычно и представляется. Очень удачно, например, это сделано у Олвина Тоффлера. Фиксирование им таких тенденций, как изготовление временных изделий временным методом для удовлетворения временных потребностей, "культура выбрасывания", чувство быстротечности всего и вся, эфемеризация межличностных отношений, потребление стилей жизни как обычных продуктов, демассофикация производства [53, с.252], безусловно впечатляет. Все эти феномены с очевидностью постмодернистские, хотя сам автор называет их супериндустриальными.

Конечно, постмодернизм можно и нужно критиковать за излишний негативизм и деконструктивизм по отношению к прошлому, за паразитирование на его модернистских слабостях и недостатках, за безудержный, безумно порхающий, буквально хаотичный плюрализм. Предложения по его обузданию, в частности с помощью справедливости, пока не получили заметного развития. Лишенный необходимой социальной нормативности, не одобренный полноценной человеческой коммуникацией, такой плюрализм является в действительности лишь множеством, плюральностью индивидуально замкнутых миров: у каждого своя истина, свой мир ценностей и т.д.

Далее, постмодернизм чрезмерно релятивизирует моральные ценности и нормы, что вряд ли благоприятствует нормальному развитию людей и общества. Постмодернистской сумятицей нравов легко злоупотреблять. К тому же это явно стрессовая ситуация: не на что опереться с уверенностью, нет четких ориентиров.

Несправедлив постмодернизм и в отношении разума. Естественно, в разуме есть разные тенденции, он выступает в различных, нередко неразумных формах, но в целом его исторический потенциал, на наш взгляд, далеко не исчерпан. А в современном, явно перегретом расовыми, национально-этническими и социальными страстями мире так мало, так недостает охлаждающего здравомыслия. Лечение "от разума" (его абстрактности, иссушающей централизации, всеобъемлющего контроля и т.д.) в любом случае должно быть разумным. От неразумия, а не ума многие наши беды и страдания. А злоупотреблять в принципе можно всем.

Для критики уязвим и главный предмет нашего интереса к постмодернизму — ризомный метапаттерн истории. Он слишком неопределен, а точнее: неопределенность — его суть. История здесь уподобляется слепому котенку, тыкающемуся во все углы своего возможного развития. Корни в принципе можно пускать в любом направлении, ведь реально история продолжается за счет перехода от одного направления к другому, и в этом переходе вся суть, а сами направления не столь важны. В постмодернистском переборе они все равны. То есть переход, движение между — это всё, направления, ориентации, цель — ничто.

Но в постмодернизме есть и конструктивная программа, немало положительных черт и сторон: отстаивание ценности разнообразия, различий, разницы как таковой; расширение плюралистического взгляда на мир вплоть до способности видеть и понимать части до целого и вне его, обращать специфику индивидуального, частного в его

субстанциальность. Углубление относительной самостоятельности индивида в рамках общественного целого до его "самостоянья", самоидентичности — задача не из простых, но именно поэтому ею и стоит заниматься.

В этом плане особенно интересны постмодернистская микрометодология, сближение микро- и макроуровней общественной жизнедеятельности людей, умение превращать необходимость выбора между двумя и более противоположностями в поиск точки опоры как раз между ними.

Постмодернизм — хорошее лекарство от таких нездоровых образований в органах и тканях нашего общественного организма, как бюрократическая централизация, всевозможные крatii (авто-, этно- и т.д.) и централизмы (западо-, востоко-) и другие безличные унификации. Рецепт лечения довольно "прост" — принимать разнообразие, одинаково ровно относиться ко всем проявлениям жизни, почаще смеяться над серьезными вещами, не стесняться быть непохожим, не вести себя "как все", не относиться свысока к меньшинствам и маргиналам, восхищаться голосами разных этносов, культур, цивилизаций, научиться быть свободным в желаниях, других проявлениях своего бессознательного.

Не только неприятие отличает постмодернистское отношение к разуму, рации, рациональности. Скорее всего это протест против абстрактности разума, то есть его обособленности, оторванности от всех других сущностных сил человека. А как одна из способностей человека, на фоне и в окружении других способностей, в их плюралистической среде разум не лишен и постмодернистской ценности.

Ризома как метапаттерн является своеобразным приглашением к индивидуальному историческому творчеству, как теоретическому, так и практическому. Никаких особых ограничений на это в ней во всяком случае не содержится. Наоборот, преодоление, снятие всех и всяческих границ — ее наиболее яркая черта, ведущая определенность.

Мы пока не знаем всех возможностей постмодернизма. Но они несомненно значительны. Их реализация наверняка многое изменит в мире и в людях, живущих в нем. Эти изменения скорее всего будут неоднозначны. Но для нас часто достаточно и просто иного, другого. Исторически оно тоже притягательно. Так что не будем терять оптимизма, а с ним — надежды на лучшее. В ризомном многообразии истории всему найдется место.

